

ХОРО
ШАЯ
ПО
ПЫТКА

АЛЕКСАНДРА КОВАЛЕВА

Харьков
«ФОЛИО»
2020

Содержание

Вместо предисловия.....7

1

1.1..... 15

Это — не селф-хелп 19

Когда я была маленькой 25

Этим летом два моих близких друга свели счеты
с жизнью..... 29

Приручение индийского слона 32

0.0..... 41

2

Really Simple Syndication.....45

Книжные новинки49

Никто не читает лонгридов.....52

Принцип научного сомнения.....53

The video you might be interested in58

Бихевиористский tutorial для спортивных девочек,
худеющих по грушевидному типу старения 62

8 шагов к написанию своей первой селф-хелп книги..... 73

Тест на сексуальную фрустрацию.....76

Очень длинный Vine: Свидетели Иеговы	81
Джордан Питерсон слег в больничку.....	87
LeaksBot (телеграм-канал)	99
Алгоритм Диффи-Хеллмана — memes language.....	106
Ганс Христиан Андерсен.....	140
22.08.20/02.32_kompromat_TerraceCamera.mov	146
Мальчик проснулся, родился и побежал	149
Женева	154
Уловка 22	165
Середина книги.....	168
Гезамткунстверк Stories.....	170
Колун	177
Короткая, но очень веселая жизнь экзистенциализма ...	185

3

Серотонин	191
Диметилтриптамин	203
Адреналин/Норадреналин.....	212
Эндорфин.....	223
Вазопрессин	231
Хорионический гонадотропин.....	233
Кортикотропин	235
Фенилэтиламин.....	238
Окситоцин	241
Ацетилхолин.....	243
Дофамин.....	245
Кортизол.....	249

Тошнота 2.0	257
Zeitgeist.....	328
Учитель говорит 1.....	350
Учитель говорит 2.....	353
Сколько тысяч лет назад.....	357
Soundtrack.....	360
Спасибо.....	362

Вместо предисловия

Каждые два дня человечество производит столько же информации, сколько создало за период от зарождения цивилизации вплоть до 2003 года. Так говорит Эрик Шмидт из Google. Он же говорит, что технологическая революция произойдет еще при нашей жизни. А мы к ней не готовы. Мы не готовы к революции, господа. Вот вам еще немного информации к тем массивам, которые ваш мозг давным-давно отчаялся обработать.

Человеческий мозг лихорадит, ведь он привык все систематизировать, всему придавать понятную структуру — именно через структуру он, в первую очередь, обрабатывает и запоминает информацию. И если о памяти, в нашем классическом ее понимании, уже в принципе можно потихоньку забывать — кажется, дружище в твоей черепной коробке решил плюнуть на это дело — то обрабатывать информацию он все-таки еще пытается. На зашкаливающей скорости. С перегревом мотора.

Нет, он не успевает так быстро перестраиваться под новые условия, и не надейся. Да, определенные химические маркеры в твоем геноме меняются в течение твоей жизни — но происходит это не так быстро, как хотелось бы. Прошли столетия, а твой друг в черепной коробке все еще считает, что тебе нужны коренные зубы, запасы жира и шерсть в труднодоступных местах. С тем же успехом ты можешь говорить ему «я сейчас читаю очередную глупую статью, принудительно смотрю рекламный ролик, скроллю ленту Инстаграма, реагирую, реагирую, реагирую, а ты не обрабатывай, пожалуйста, эту информацию, она не нужна» — нет, он не согласен, он будет ее обрабатывать. И мало того, он будет всеми силами стараться придать твоим новым знаниям вид удобной, понятной структуры. Будет силиться сотворить невозможное.

Мы потребляем слишком много информации, наш друг отстает от графика уже на годы, он аврально распахивает по углам и замечает под ковер детские

воспоминания и темы лекций, а мы — все продолжаем скроллить ленту: эта статья важна, и эта, и эта тоже. Мы запасаемся противоречиями.

* * *

Когда-то в детстве я открыла для себя Конрада Лоренца, а вместе с ним, помимо этологии, еще и бихевиоризм, который — тогда казалось — так гладенько ложился на любые формы, так хорошо все объяснял. С тех пор меня преследовала идея (а я — преследовала ее) о том, что можно как-то согласовать между собой лимбическую систему и неокортекс, базовые инстинкты и сознание, биологию и культуру, науку и веру, рационализацию и мистику, словом — подружить рептилию, обезьянку и венец творения, которые как-то сосуществуют в каждом человеке, заключить их в хоровод логики. Кажется, где-то там лежал ключ ко всему.

Чтобы понять суть людей и, как следствие, — суть вещей, — мне было ну очень нужно согласовать их всех между собой. Но чем больше ты впихиваешь в себя информации, тем очевиднее недостаточность форм систематизации, предложенных этим миром.

Гегель и Кант взбивались до густой пены вперемешку с Рифкиным, Сапольски и Митио Каку, покрывались толстым слоем онлайн-курсов. Все это пропускалось через рационализацию и тщетные попытки организации знаний — в одну общую, красивую, все объясняющую картинку. Онлайн-курс по современному искусству бросила, основы генетики — дослушала до конца. Правда, из-за этого стерся из памяти Хайдеггер. Я испугалась и закруглилась с курсом экологии, но было поздно — меня покинул Делез, прихватив с собой остатки своей биографии, лишилось только послевкусие. А вот нейрофизиологию мучила до победного конца — даже помню, что ионы калия, точнее — их движение — обуславливает тот электрический заряд, в результате которого ты осознаешь, что другой человек коснулся твоей кожи.

За последний год помимо литературы, я, как водится в приличном обществе, училась не покладая рук. И ног. Проштудировала Arzamas, как все, проштудировала его производные, как все. Прослушала стэндфордский курс «Биология поведения человека» любимого Сапольски, курс «Нейрофизиология поведения» и «Генетика» от МГУ, теории языков и универсальной грамматики Ноама Чомски. Полирнула эпигенетику коэволюцией в исполнении французского антрополога Паскаля Пика. Сошла с ума. Спала на предохранители. Но продолжила.

В какой-то момент я решила выйти на переменку. Чтобы посмотреть на ситуацию со стороны.

Первое, что я вынесла из этого опыта, — я перегрелась. Предохранители таки нужно беречь.

Второе — память не выдерживает и нужно записывать, если хочешь сохранить даты и имена, а не просто расширенную картинку знаний.

И третье — чем больше ты знаешь, тем меньше в тебе желания учить. Этому много причин, но самая веселая из них, пожалуй, такая. Чем больше ты узнаешь, тем больше убеждаешься в том, что никто ничего не знает.

Ученые — святые новой эпохи — большую часть своего времени заняты попаданием то впросак, то в тупик, одни выдвигают теории, другие — задвигают их обратно, выдвигая новые. Это, разумеется, прекрасно — много красоты в этом танце принципа научного сомнения. Однако здесь интересно другое. Вышеуказанный процесс, насыщая мир новыми знаниями, параллельно обнаруживает — нет никаких констант и то, что вам вчера казалось очевидным, сегодня, под улюлюканье, снимается с доски почета. Да-да, релятивизм в его классическом понимании.

За последние пару десятилетий узкая специализация стала новой нормой. Следствие этого — к профессионализму, как величине, все чаще возникают вопросы. Предлагаемые пакеты знаний обычно настолько узкопрофильны, что зачастую почти не учитывают даже смежные сферы. Фотограф теперь нуждается в стилисте, мастере по свету, ретушере и нескольких других специалистах, знания которых еще двадцать лет назад не выносились в отдельную профессию. «Бесмысленная работа», описанная Дэвидом Грэбером, просачивается во все сферы жизни.

Но вот здесь начинается самое смешное. Я поняла, что не смогу упаковать свои знания, тем более так, чтоб они не устарели на следующий день. Эту книгу я писала три месяца, и даже за это время мне пришлось распрощаться с несколькими работами по причине того, что они потеряли актуальность. Всего за три месяца. Ключевые темы — хаос, скорость мира и связанная с этим тревожность — все это не кажется таким важным на фоне всемирного карантина, хотя три месяца назад это были животрепещущие темы. Поэтому я выбираю форму метафор. Никому ничего не навязывая. Не оформляя свои опыт и знания (весьма скудные, к слову) в упаковку значимости.

Как и в своей художественной практике, здесь, в этой книге, для меня крайне важно сотворчество с (в данном случае) читателем — его личные интерпретации. Его самостоятельное творение. Наше с тобой взаимодействие.

Визуальный, художественный, образный язык здесь как нельзя кстати — он позволяет больше интерпретаций и, соответственно, больше личных смыслов.

Вы и сами догадаетесь, что в процессе написания этой работы мне иногда очень хотелось фамильярно так приобнять Делеза и с ним сигануть в формы ризомы. Она-то, по крайней мере, больше отражает беспорядочность окружающей нас реальности и, в отличие от линейного восприятия, ищет более объёмные конструкции, уходя от конкретики к хоть какой-то абстракции. Это было сложно. Очень сложно. Привычные паттерны так или иначе загоняют идеи в форму последовательного повествования, выстраивают рассказы в структуру и нарезают образы ровненькими кружочками. Но паутину взаимосвязей в историях, кажется, мне удалось сохранить. Или нет. Или да. Я не знаю.

На десерт. Недавно я столкнулась с одной, очень вкусной на мой взгляд, теорией. Это идея о том, что язык — это не инструмент коммуникации, а просто экстернализация сознания — механизм, позволяющий человеку воспринимать внутриспихические процессы, происходящие в нем, как нечто внешнее, протекающее вне его. Отталкиваясь от этого, я почему-то захотела пообщаться с человеком (с тобой) именно в этом ключе. И в этом ключе, через метафоры, взаимосвязи и интертекстуальность, через иронию, а главное — через искренность, поговорить о том, что мне сейчас кажется важным.

Этот сборник коротких литературных форм рассказывает о чем-то, не буду объяснять, о чем, но о чем-то рассказывает точно.

Человек, бойся шума и похвал
И знай, твоё богатство тебя не увековечит
ты не андерграунд,
ты не андерграунд,
ещё не андерграунд,
пока не андерграунд
Человек, бойся шума и похвал
Больше, чем ту суку, что ты посадил на плечи
ты не андерграунд,
ты не андерграунд
ещё не андерграунд,
пока не андерграунд
Человек, бойся шума и похвал
Запомни, что богатство тебя не увековечит
когда ты андерграунд,
когда ты андерграунд
два метра андерграунд,
два метра андерграунд
И, человек, бойся шума и похвал
Не надейся, что ты будешь не замечен
ты будешь андерграунд,
ты станешь андерграунд
два метра андерграунд,
два метра андерграунд
Человек...

[масло черного тмина / kensshi / вьюга меня замела]

1.1

soundtrack: GoGo Penguin / Protest

Вот она. Она сосредоточенно смотрит сквозь свой телефон. Куда-то дальше, глубже. В ботинки, в пол, в грунт. У нее бордовое пальто и аккуратная короткая прическа. Ей около сорока, и ее туфли и сумочка подобраны в цвет. Она старается. Она очень старается. Она старательно гасит в себе подступающую скорбь. В ней все еще что-то бурлит. Если бы не эта рутинка.

Вот она. Она сидит рядом. Она — в погоне за молодостью. Оттого неясно, сколько ей лет. Ей кажется, что она любит себя. Ей кажется, что она делает это все — для себя. Ей кажется — высокие каблуки, выбеленные закрученные волосы и час перед зеркалом каждое утро — это ее выбор. Она не задумывается. Задумываться — слишком муторно, затратно и чревато. Она не улыбается, чтобы не показаться душой. Она хорошая. Пусть все это заметят.

Вот она. Она в недорогом плюшевом пальто базарного фиолетового цвета. Она выкрасила остатки своих коротких волос в, как ей казалось, теплый рыжий оттенок, — чтоб придать лицу свежести, — но седина превратила все это в розовый пух. Ее тонкая кожа пошла сухой рябью морщин. Она красит остатки рта яркой малиновой помадой, не замечая, как сильно подчеркивает этим недовольно опустившиеся вниз уголки губ. Она красит веки синими тенями, не замечая, как сильно подчеркивает этим грустно опустившиеся вниз уголки глаз. Лицо ее подводит. Она выглядит недовольной, скандальной, готовой кинуться в бой работницей того самого ба-

зара, где было куплено ее пальто. Но это только кажущаяся видимость. Она старается. Она занята делами и мыслями. Она не помнит, сколько ей лет. Она не обращает внимания на то, как стала вязкой. Рыхлой и громоздкой. Она уже не помнит, как это было — без усталости. Поэтому она не задумывается об этом.

Вот он. Он стоит передо мной. Ему около шестнадцати, он совсем худой, его лицо испещрено прыщами. На его черном бомбере батареи опознавательных знаков — сине-желтый флаг, четыре тризуба, нашивка «Азов», и еще какие-то круглые отличительные значки цвета хаки. Он — защитник. Боец. Уже. Поэтому его ноги расставлены шире чем нужно: для устойчивости, в готовности к чему-то, к чему бы то ни было, ну хоть к чему-нибудь. А рука — с усилием сжимает поручень (локоть чуть в сторону, чтоб занимать побольше места, чтобы казаться больше, чтобы больше быть). Он уверенно с вызовом смотрит вперед. Его челюсти сжаты, потому что так — красивей и строже. Он знает как надо, знает кто он и знает, что будет дальше. Таким он хочет казаться. Себе. В такого себя он верит. В нем очень много уверенности. Очень много. Уверенности. Наверное поэтому, когда он вдруг ловит мой взгляд, опускает глаза, вспоминает о прыщах и незаметно, как будто ему туда и было нужно, отходит подальше.

Вот она. Она заняла место женщины с недовольным лицом. Ей от силы двадцать пять. У нее светлые волосы и черные брови. На ней синие джинсы и белая футболка с маленьким черным прямоугольником в области сердца. Сверху наброшена куртка. Она слушает музыку и сосредоточенно кивает в такт. Она поглощает мир вокруг себя быстро, не пережевывая и не осозная. Набирает все, все что дают, а разберется — потом, когда и если придет желание разбираться. Еще лет семь она не будет понимать, кто она на самом деле. Но не смейте говорить ей об этом.

Вот он. Ему тридцать пять. Он — настоящий мужик. Не нужно сомневаться, он не услышит ваших сомнений. Он — настоящий мужик и все. У него усиленно мужская стрижка, усиленно муж-

ская кожанка, усиленно мужская стойка, усиленно мужская неспособность улыбаться, усиленно мужской подбородок. А если подбородок вдруг покажется ему недостаточно мужским, он подаст челюсть вперед. А заодно — приподнимет голову. А заодно — встанет пошире и локоть подальше отведет, совсем как тот мальчик шестнадцати лет, что стоял на его месте вечность назад. Он мужчина, силач, самец, победитель — в этом нет никаких сомнений. Наверное поэтому, когда он замечает, что я исподтишка разглядываю его, он начинает переминаясь с ноги на ногу. Он дергается. Нервничает. Не из-за меня, нет, ничто не в состоянии выбить из колеи настоящего мужчину, у него какие-то свои причины, мужские, серьезные, стоящие. Их он рисует на своем лице. Не для меня — для себя. Нет, он не думает о том, что он низковат — не в этом дело. Он не думает об этом, нет. 168,2 сантиметра — это отличный рост для мужчины, был выше среднего в средние века, он запомнил эту информацию, потому что у него мужской развитый мозг, а не по каким-то другим причинам. Он вновь ловит мой взгляд и снова отводит глаза. Его мимика становится еще мужественней, а подергивания и переминаяния — еще деловитей. Но это не связано с тем, что кто-то рассматривал его выходную стойку. Мужчины не стесняются и точно — не боятся. Ему с детства так говорили и приучили повторять.

Вот она. Она крепко сжимает дерматиновую сумку с большими золотыми буквами DG. Она рассчитывает что-то в уме, периодически щуря глаза и поджимая губы. Кажется, она готовит серьезный разговор. Или, скорее, остроумный ответ мелкому обидчику. Именно этот ответ она должна была бы произнести в тот самый, в нужный момент. Бросить ему в лицо. И уйти, не оборачиваясь. Вот это было бы ловко. Вот так бы она заткнула его за пояс. Вот так она бы победила, и ей сейчас не пришлось бы забивать эту горечь фантазиями. Она так хочет проявиться. Она такого не заслужила. Она выбирает злиться, чтобы не чувствовать себя побежденной.

Вот она. Она стоит, прислонившись к окну и почему-то старается не плакать. Она покачивается. Она поправляет выбившуюся прядь волос за ухо и неосознанно гладит меховую отделку капюшона своей зимней куртки защитного цвета. Это все не стоит того, но она не может остановиться думать.

Вот он. Он держит в руках телефон. Он смотрит перед собой в пустоту. На нем болоньевая черная куртка, пегие джинсы и старые ботинки. Ему чуть за сорок, он кругловат и незаметно лысеет. Он сидит, широко расставив ноги, потому что так принято у уверенных мужчин, но глубокие складки у рта и на лбу говорят о нем больше, чем его сутулая спина. Он держится, крепится, но не может понять. Он куда-то бежал, чего-то достигал, с чем-то успешно боролся, иногда даже аккуратно шел по головам, он делал все, как положено, но теперь он сидит и не может понять, где его обещанное? Именно это — обещанное — он теперь недоуменно высматривает в пустоте перед собой. Вероятно, у него есть, дети, вероятно — у него все еще есть жена. Он все делал по правилам, шел по методичке, и вот здесь, в его «за сорок», он должен был быть уже не здесь. В методичке было написано: усердно работать, в методичке было написано — быть сильным, жениться, завести жилье и детей. Где он ошибся? Может быть нужен был другой порядок? Может быть тогда, в 1998-м, нужно было не туда повернуть? Или в 2001-м? У него нет сил все делать заново, он не думает о том, чтобы все делать заново. Он просто усиленно глушит в себе это странное чувство несбытости.

Вот он. Он широко улыбается. Он полон веселья. Он говорит по телефону. На нем рубашка и пробковая шляпа. Он — в джунглях.

«Алло, вышлите денег!» — кричит он радостно в свой телефон.

«Добло-Кредит! Деньги до зарплаты!» — также радостно сообщает белое облачко над его головой.

Он счастлив.

И нарисован.